ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
РОССИЙСКИЙ ФОНД
ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ ТГУ

НА ПУТИ К НОВОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

ВЫПУСК IV

Методология дополнительности: синтез рациональных и внерациональных методов и приемов исследования

Сборник статей по материалам 4-й сессии постоянно действующего всероссийского семинара

"Методология науки" 16-17 мая 2000 г.

Издательство Томского университета

2000

ном мире, живя определенным манером, и тот же манер и масштаб мы стремимся приписать и остальному миру, веря в это как в последнюю тайну бытия.

Философия, как всегда, оказывается в своих наиболее радикальных интуициях прозорливее и решительнее медленно движущегося гносеологического фронта естествознания. Это становится очевидным лишь при серьезных затруднениях в объяснениях парадоксов опытной практики и при кризисах в науках. Дело, конечно, не в злорадном: "Ну мы же это говорили загодя", а в признании назревшей необходимости качественного преобразования метафизического профиля естествознания в трансцендентальной проекции.

Разумеется, эта предстоящая метаморфоза будет иметь самые разные теоретические формы своего проявления, разные лозунги и долговременное развертывание. Вряд ли наука и философия смогут сразу радикально порвать с антропным принципом – он был и будет еще некоторое время системой координат нашего осмысления мира. Но интуиции "антропологической революции", преддверия радикального изменения человеческого существования, имеющие место у многих мыслителей XIX-XX вв. от Маркса до Дерриды, похоже, именно сейчас обретают культурно-технологическую плоть реальных возможностей-путей, которые невозможно игнорировать. Они заставят людей сделать радикальный выбор.

Генная инженерия позволит в отдаленной перспективе значительно уменьшить объем биомассы посредственностей, балластом утягивающей на протяжении всей предшествующей человеческой истории творчески-активистское меньшинство в рутину обслуживания себя. Функциональная замена частей организма биотехнологическими заменителями плавно перейдет в поиски новых материалов и носителей для новой, более стойкой и ноской плоти. Все это будет сопряжено с радикальной ломкой прежних базовых антропологических ценностей, стандартов поведения и мышления. Придут иные, говоря словами апостола Павла, те, кто уже перешагнут биологические рамки homo sapiens. Иная плоть перестроит восприятие, психику, половую идентичность, границы и масштабы ожидаемого. Тогда только станет возможным пересечение пределов трансцендентализма в его исконно-видовом ограничении - для полагания уже пластичных и расширяющихся демаркаций нового, динамичного трансцендентализма.

Помимо вышеприведенных соображений спекулятивного характера, об этом же, пока глухо, невнятно и косвенно, говорят осмысления самими учеными своего парадоксального опыта общения с инореальностью, никак не вмещающейся в наши застылые, биологически укорененные трансцендентальные формы восприятия и мышления.

Г.И. Петрова (Томск)

Антропологическое "разрушение" трансценденталистского кредо философии

Современный интерес философии больше не отягощен преодолением "дольних" проблем и, кажется, говорит о схождении философского "cogito" с высоты нарциссического пьедестала. "Жизненный мир" и "повседневность" - здесь теперь живет философс-

кий Разум, который как будто устал от собственной "чистоты" и хотел бы отвлечь от себя столь пристальное и серьезное внимание, обязывающее сохранять "горнее". О невротической усталости сказал уже З. Фрейд, когда старался переключить внимание на бессознательные внерациональные практики, способные снять невроз величия и претензию на власть все обосновывающего и диктующего Рацио. Помощь усталому Разуму предложил и К. Маркс, когда увидел возможные последствия его хватающего инстинкта, его мидасовскую жадность присвоения, которая отчуждала его от всего в мире, лишала Другого, обрекая на вечное одиночество в гордой чистоте трансцендентальной субъективности. Марксово внимание к телесной социальности было мудрым предвестием и предупреждением властному Разуму, предложением "чистому сознанию" дополниться, облечься социальным телом материального производства.

Но вывод, содержательный и обещающий, философский Разум сделал лишь в XX веке и лишь тогда, когда как вопросительная была осознана антропологическая проблема. Вопрос возник в связи с кризисом человеческой самоидентификации: человек, казалось бы нашедший и определивший себя в Разуме, возвысившийся над всем остальным в мире как бытийно существующий, провозглашавший себя Субъектом, разумно устраивающим противостоящую ему объективную реальность, вдруг встретился с ее дереализацией - она мозаично распалась на "тексты и куски", маргинально пульсирует и мерцает, ее неопределенность больше никто не в силах собрать в одновекторную линию развития. Субъектная, трансценденталистская репрезентация человека претерпела кризис, что и зафиксировал тезис о "смерти субъекта". И проблема человеческой самоидентификации вновь встала остро. Но теперь уже поиски ее решения преодолевают рамки чистоты Разумной репрезентации человека в субъекте, ибо таковая оказалась его трансценденталистской редукцией. Все настойчивее заявляет о себе живая антропологическая проблематика, пытающаяся "привить" классической трансцендентальной субъективности "тело" с его "желаниями", "вкусом", "стилем", "модой", "сексуальностью", "безумием" и т.п. "Оживление" заставляет трансцендентальную субъективность быть "выставленной", "касаться" Другого, "воспринимать" его и, следовательно, отказаться от одиночества "чистого бытия" и ощутить себя в полифонии "жизненного мира".

Самый волнующий философский вопрос: в самом ли деле трансцендентализм, всегда выделяющий и обособляющий философию, исчезает под дополнительным антропологическим влиянием и натиском?

Начнем с того, что антропологический вопрос - "познай самого себя" - в философии всегда был актуален, ибо человек искал своего определения. Философия рождалась главным образом и прежде всего как претендующая на него ответить. Она возникала как обозначившая собственное родство человеку, поскольку, взяв трансценденталистское кредо, наделила и человека в его сущности способностью к трансцендированию. Вернее, наоборот, найдя в человеке способность к трансцендированию (что и обусловило отличение его, в философском ракурсе увиденного, от всей природной действительности), философия и сама взяла принцип трансцендентализма, позволяющий ей работать в той сфере, где обнаружил свое бытие человек, - в сфере трансцендентального.

На разных этапах истории эта сфера понималась по-разному. Древняя Греция о ней не говорила вообще, считая философию искусством жизни, видя ее духовные упражнения, основывающиеся на полноте и совместной работе разума, воли, воображения, чувствования, сердечного переживания и т.п. На этом основывала себя первая греческая индивидуальность, уже увидевшая себя в мире как отдельность и больше не рассматривающая собственное пребывание здесь как растворенное в коллективе (роде, племени, клане) или тотеме. В античности и возник человек как обладающий способностью трансцендирования, которая вывела его из рядоположенных природных отношений и, наделив его рефлексивностью, заставила осознать свою отделенность. Осознание, однако, не означало приоритета разумного начала в человеческой жизни. Настаивание на разуме соседствовало на равных с "заботой о душе" и "духовных упражнениях", "заботой о теле" и "техниках себя". Философия возникала как философская антропология, когда человек был увиден в гармоничном единстве всех своих жизненных проявлений. Еще не знающий всех будущих исторических трансформаций, он наслаждался собственной привилегией, которую давало ему трансцендирование, испытывал переизбыток сил, по-дионисийски превосходя все встречающиеся ему пределы, так и не о-пределяя себя. Трансцендирование означало его рефлексивное видение себя в мире, когда он вышел за пределы, ранее его о-граничивающие, о-пределяющие, и, не отождествляя больше себя ни с чем, стал определять себя только через само-определение. Трансцендирование приняло форму самоопределения, и поиски человеком себя стали осуществляться не в форме самоотождествления, но в форме самоидентификации. Надо было узнать себя в себе.

Такую возможность человеку и философии предоставило новое время, акцентировав в трансцендировании только его одну сторону – сознание в его познавательной работе. В итоге оно приобретает характер познавательного трансцендирования, а философия теряет свою антропологическую ориентированность, становясь гносеологией. Ее заботой стала проблема Истины – единой, абсолютной, вечной. Бывшая антропологическая нагруженность философского трансцендентализма, антропологическое окружение Разума (проблемы телесности, "мира мнений", "эроса", "заботы о себе", "техник себя" и др.) оказались утраченными. Разум предстал в своей "чистоте", в "Логосе". Трансцендирование приобрело "чисто" познавательную ориентацию, а человек, соответственно, представил интерес только лишь как "мыслящий тростник". Познавательное трансцендирование санкционировало конституцию человека как субъекта. Субъектная репрезентация явила себя как человеческая редукция, обнаружившая себя в логической чистоте трансцендентальной субъективности.

Философский трансцендентализм иной репрезентации человека и не может дать. Его внимание лишь к необходимому и всеобщему, к устойчивому и повторяющемуся способствует объективации окружающего мира. Не в "живой жизни" уникальных предметов находит себя человек. Он живет в мире объектов. Свет разума выхватывает их сущность и, указывая на нее, замещает красочность и полнозвучие бытия логическим остовом объектного существования. И сам человек, подчиняясь трансцендентализму кредо философии, следуя общему закону объективации, приобретает лишь сущностное существование. Оно – в познании. На него и указывает познавательное трансцендирование. Чело-

век, представленный в когито, дает основание говорить о его трансценденталистской редукции: гносеологический субъект – это и есть когитарная человеческая сущность, в которой человек узнал себя в классической философии. Прошлое самоотождествление, когда человек еще не знал себя и потому в познавательном бессилии соединялся с чем-то, что для него было внешним, теперь уступило место самоидентификации: человек узнал себя в субъектной гносеологической сущности. Узнавание в сущности, конечно, не было полноценным, более того, оно не давало жизни. Классическая философия в целом имела дело с мертвой реальностью, застывшей в скелетно-логическом образе. Не случайно Монтень произносит: "Философствовать – значит умирать". Однако человек именно в этой философской реальности приобретает силу разума и высоту интеллекта. Когитарное узнавание обусловило судьбу философской и культурной истории – ее интеллектуальную высоту, мощь разума, покорительскую парадигму деятельности – прометеевскую, конкистадорскую культуру.

XX век своей деконструктивистской работой в области метафизики, устранением "чистоты" cogito реализует предчувствия К. Маркса, З. Фрейда (Ф. Ницше, А. Шопенгауэра, С. Кьеркегора, немецких романтиков, философов физики Г. Зиммеля, В. Дильтея и др.). Реализация сопровождается вновь вставшей актуально проблемой человеческой самоидентификации. Что же такое человек? Указание на когито, оказалось, могло быть ответом лишь какое-то время – когда человек утверждал себя в разуме. Утвердив и утвердившись, он заметил неадекватность такого утверждения, что стало складываться в разрушении философской и научной рациональности классического плана, в дополнении ее сверх- (или над-) рациональными структурами экзистенциалистского, феноменологического и герменевтического характера.

Философия сегодня в поиске, ибо, найдя "я" в познании и познавательном трансцендировании и фиксируя в сознании в качестве его содержания только мысль, она обеднила и себя, и человеческое "эго". Результаты поисков – открытие в сознании других (помимо мысли, но в признании ее в качестве ведущей и инвариантной части сознания) граней и смыслов человеческого существования. Акцентация мысли объявляется логоцентризмом, ответственным за обеднение бытия. Вместе с тем без таковой акцентации нет философии. Философия – это работа разума..., но разума, погруженного в конкретные антропологические реальности. Человек – не есть "чистый разум", он всегда разум, помещенный в культурную, психологическую, социальную – в целом антропологическую – ситуацию, которая сообщает разуму "призраки", "предрассудки", "идолы", "толки" и т.п. Такое окружение не свергает с высокого и "чистого" пьедестала Разум, сохраняет его интенцию к Всеобщему и Необходимому, но вместе с тем становится ответственным за многообразие форм их проявления, за антропологические пути их обнаружения. Мысль всегда находит себя в сопровождении смыслов, ценностных, эмоциональных, нравственных характеристик, всегда конкретно проживаема и поведенчески реализуема. Она в общей структуре сознания живет в окружении индивидуальных потребностей и интересов, воли, желаний, вкусов и т.п. Все это идет от индивидуальности, помещенной не в трансцендентную сферу Мира Истины, но квалифицируя только антропологическую реальность (ибо, кроме человека, никому больше не доступны желания или вкусы и др.) и

являясь поэтому следствием рефлексивности сознания, свидетельствует об области трансцендентального.

Зафиксируем внимание на том, что антропологическая нагруженность "чистого сознания" отнюдь не нарушает границ философии: не разрушает традиционный для нее трансцендентализм. Современная философия, напротив, в собственной реальной практике обогащая его содержание, вырабатывает его новый вариант.

Сама возможность дополнения логически организованной и направленной мысли внелогическими антропологическими структурами (кроме уже названных можно говорить о переживании, наслаждении, совести, страхе, любви, сопереживании, сочувствии, вчувствовании, понимании и т.п.), составляющими "жизненный мир" человека, его повседневность существования, где он бытийствует, будучи представленным не только "чистым" сознанием, но и "языком" как непременным его спутником, "телом", от состояния которого зависит построение сознанием реальности. Современный способ философствования, таким образом, дополняет новыми гранями ту призму, сквозь которую смотрела на мир классическая философия - призма "чистого сознания" дополняется гранями языка и материальности тела. Тем самым философия обогатила содержание своего вопрошания о мире. Вопрос теперь не звучит только в гносеологической тональности "что?". Философия от всепоглощающей гносеологической интенции переходит к онтологической ориентации. Не случайно сегодня логицистски и методологически ориентированное cogito приглашает к себе sum, изгоняемое ранее и поэтому играющее вторичную роль и имеющее подчиненное власти разума значение. Вступая в права, sum конституирует философию как фундаментальную онтологию, где гносеологический вопрос о мире **что** он есть, вопрос, по сути, санкционирующий отступание философии от ее всегдашнего трансценденталистского взгляда сквозь призму человеку принадлежащего рефлексивного сознания, уступает место вопросу "как мир полагается человеческим сознанием?" Такое вопрошание, устраняя всяческую лазейку проникновения в мировую предметность саму по себе, убирает и всегда обозначавшееся в философии противоречие: с одной стороны, философская реальность признавалась как объективированная действительность (и, следовательно, рожденная сознанием), с другой - через вопрос "что?" проглядывала непосредственная предметность мира. Онтология на самом деле становится фундаментальной: бытие оказывается подлинной сознательной конституцией: конституцией сознания как единства логически дисциплинированной мысли и ее эмоционального, языкового, телесного окружения. Трансцендентализм как фундаментально онтологический принцип в этом случае приобретает антропологическую близость, что делает возможным фундаментальную онтологию назвать философской антропологией.

Так произошло ли разрушение трансценденталистского кредо философии, когда она в XX веке переняла новый дискурс? Начиная писать статью, я предупредительно поставила кавычки, ибо полагала в ответе говорить скорее не о разрушении, а о рождении неклассической философией нового варианта трансцендентализма: по-прежнему по-классически ориентирующего философию на Всеобщую и Необходимую Сущность, но с другой стороны, впускающего и допускающего возможности проявления человеческой субъективности.

Такой вариант трансцендентализма позволяет реализовать извечные и актуализированные после провозглашения тезиса о "смерти субъекта" поиски человеком себя. Тезис свидетельствует о "смерти" когитарной человеческой сущности - этой гносеологической редукции человека. Антропологическая близость современного варианта трансцендентализма способствует новой (адекватной современному историческому этапу в развитии философии) самоидентификации человека. Человек узнает себя сегодня не только в когито, но и в полноценности и красочности повседневного бытия, не только в "чистоте" сознания, но и в мудрости телесной жизни.

Е.А. Найман (Томск)

Язык, мысль, архитектура и божественное начало сквозь призму принципа дополнительности в мифе о Вавилонской башне у Ж.Деррида

Стало почти трюизмом в среде философствующих малых сих, знающих о современной философии лишь понаслышке, но тем не менее смело применяющих чуть ли не все вульгаты постмодернизма и создающих устойчивый "русский коктейль", ныне столь популярный в народе, признание за постструктурализмом и другими современными "измами" пренебрежительного отношения к традиционным философемам, игнорирование глубоких размышлений о сути божественного начала, фундаментальных основаниях мысли и экзистенциальных истоках философствования. Не желая подпевать писклявому хору этой новомодной доксы, присмотримся к особенностям мышления "культовой фигуры" постструктурализма Ж. Деррида именно с точки зрения того, в чем ему постоянно отказывают его "благодарные" читатели, - в философской состоятельности "субъективного мыслителя" (Кьеркегор), которая невозможна без страстной заинтересованности собственной мыслью, без непреодолимой жажды самовыявления в аспекте собственной философской судьбы, без глубоко личной заинтересованности любой темой, попадающей в округу его мысли.

Обратимся к трем темам философии Деррида в тесной связи со спецификой и стилистикой его мышления - языка, архитектуры и божественного начала. Анализ связи этих трех тематических областей не только, по нашему мнению, может оказаться полезной для вышеобозначенной сверхзадачи, но и поможет указать объединяющий принцип - принцип дополнительности, который является условием возможности как существования языка, архитектурного события, так и принципом, определяющим природу божественного начала.

1. Архитектурный образ мышления

В западной культурной традиции концепция мышления всегда была соединена с архитектурным образом, а архитектурный исток мысли не вызывал сомнения. Греко-западная традиция пользовалась архитектурной моделью как метафорой мышления. Поиск причин, обоснование источника ("архэ") является главной целью мысли и главной задачей философии. "Архэ" содержится и в слове "архитектура". Мыслитель - архитектор,